

Жесты и речь в Новом лингво-семиотическом словаре

Григорий Е. Крейдлин

*Российский государственный гуманитарный университет
Москва, Россия, gekr@iitp.ru*

Аннотация. В устном общении людей активное участие принимают не только вербальные единицы, но и единицы языка тела. Основной лексический фонд этого языка составляют жесты разных семиотических классов, которые в акте устной коммуникации вступают во взаимодействие друг с другом и с речевыми единицами. Актуальной проблемой современных лингвистики и семиотики является формулировка общих законов и конкретных правил такого взаимодействия. Эта проблема получила название проблемы мультимодальности. В статье представлены идеология, структура и содержание Нового лингво-семиотического словаря, нацеленного на решение проблемы мультимодальности на русском лексическом материале. Показано, что данный словарь нельзя отнести к традиционным толковым одноязычным или переводным словарям. Основным понятием, лежащим в центре словаря, является понятие *наивной семиотической концептуализации тела*. В первой части статьи раскрываются основные составляющие этой концептуализации, описывается знаковый подход, применяемый к лексикону словаря. Охарактеризованы инструментарий и метаязык описания. Во второй части на примере вокабул ЗУБЫ и НОГТИ показана структура и содержание словарных статей словаря.

Ключевые слова: лингво-семиотический словарь, назначение, структура и содержание, слово, жест, проблема мультимодальности, семиотическая концептуализация тела

Для цитирования: Крейдлин Г.Е. Жесты и речь в Новом лингво-семиотическом словаре // Вестник РГГУ. Серия «Литературоведение. Языкознание. Культурология». 2021. № 2, ч. 2. С. 232–254. DOI: 10.28995/2686-7249-2021-2-232-254

Gestures and speech in the New linguo-semiotic dictionary

Grigory E. Kreidlin

Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia, gekr@iitp.ru

Abstract. In oral communication, an active role belongs not only to verbal units but to nonverbal units as well. These units constitute the lexical part of the so called body language and are known by name of gestures (of different semiotic classes). The paper presents the New linguo-semiotic dictionary aimed to solve some lexical aspects of the problem of multimodality the kernel of which is the description of general patterns and formulation of specific rules of speech-gesture interaction. It is shown that this dictionary takes a separate taxon in a classification of dictionaries

The paper reveals the ideology, structure and content of the linguo-semiotic dictionary. Its basis is the notion of semiotic conceptualization of human body. In the first part of the paper the main constituents of the conceptualization, tools and method of lexicographic analysis and metalanguage of the dictionary are described. The second part contains two examples of dictionary entries (ЗУБЫ 'teeth' and НОГТИ 'nails') and it also demonstrates the links between several types of information within the vocable.

Keywords: linguo-semiotic dictionary, purpose, structure and content, word, gesture, problem of multimodality, semiotic conceptualization of the human body

For citation: Kreidlin, G.E. (2021), "Gestures and speech in the New linguo-semiotic dictionary", *RSUH/RGGU Bulletin. "Literary Theory. Linguistics. Cultural Studies" Series*, no. 2, part 2, pp. 232-254, DOI: 10.28995/2686-7249-2021-2-232-254

Введение.

Невербальные знаки и язык их описания

Еще во время обучения в 1964–1969 гг. на Отделении структурной и прикладной лингвистики филологического факультета МГУ при прохождении практики я в течение нескольких лет под руководством проф. А.Е. Кибрика занимался составлением словаря для специального подязыка русского языка – языка донесений с воинских учений. С тех пор прошло много лет, но любовь к лексикографии и составлению словарей сохранилась и по сей день. Эта любовь выразилась в создании нескольких словарей, из которых выделяю Словарь языка русских жестов [СЯРЖ 2001]. Настоящая статья тоже посвящена одному специальному словарю.

Сегодня непосредственно на наших глазах происходит постепенное смягчение и ликвидация многих жестких догм и оппозиций, принятых и узаконенных семиотикой и лингвистикой прошлого. Появились новые исследовательские принципы, подходы и установки, к которым можно отнести признание того факта, что ряд задач, которые семиотика и лингвистика прежде отказывались обсуждать и решать как ненаучные, становятся актуальными и признаются заслуживающими всяческого внимания. Еще одна новая установка – это ориентация на сближение, а то и на полную интеграцию интеллектуальных усилий, традиций и задач разных дисциплин, связанных с наукой о языке.

Возникшие исследовательские установки во многом связаны с изменившимся взглядом на устную коммуникацию людей, которая стала рассматриваться как **мультимодальная коммуникация**, то есть как область взаимодействия вербального и различных невербальных знаковых, или семиотических, кодов.

В устном общении, когда человек говорит, это должно быть не только слышно, но и видно. В разговор включаются жесты руки и жесты рук, такие как **показать рукой** или **всплеснуть руками**, движения ноги и движения ног (**топнуть ногой, закинуть ногу на ногу**), знаковые позы и знаковые телодвижения (**встать навытяжку; сидеть, в задумчивости подперев голову; отшатнуться, прильнуть**), знаковые взгляды (**установиться, посмотреть искоса, подмигивать**), знаковые касания (**погладить по голове, рукопожатие**) и др. Все эти невербальные знаки функционируют и как единицы отдельных каналов коммуникации, и как часть интегрированного целого.

Известная специалистка в области невербальной коммуникации и теории диалога Дж. Баверлас писала, что устный дискурс только тогда можно считать состоявшимся (*real*), когда у него есть невербальная часть [Baverlas 1990, pp. 4–9]. Коммуникация людей может быть бытовой или деловой, дружеской или конфликтной, непосредственной или опосредованной расстоянием, временем, социальной иерархией или интеллектуальными устройствами, такими как компьютер и интернет. И в каждом случае коммуникация имеет свои особенности.

Несмотря на разнообразие видов устной коммуникации, у всех у них есть нечто общее. Это, как я уже отметил, использование сразу нескольких знаковых невербальных кодов, которые иногда также называют – впрочем, не вполне правомерно – языками. Общаясь, люди пользуются такими кодами, как язык флажков, язык веера, язык цветов, свиста, или прибегают к таким знаковым системам, как языки живописи, музыки, кино и театра. В распоряжении людей имеются также предметные знаковые коды, например

системы одежды и аксессуаров к ней, язык моды, язык причесок, язык пищи, или, иначе, кулинарный код, язык действий, или акциональный код, язык пространственных знаков и еще очень много других кодов.

Некоторые из кодов специализированы; это означает, что они используются в строго очерченных ситуациях или видах коммуникации, по большей части небытовых. А другие коды, напротив, широко применяются, и прежде всего в бытовой сфере общения. Среди них ведущее место занимает *телесный знаковый код*, иначе называемый *язык тела* (*body language*).

Основные лексические единицы языка тела – это *жесты*, или *кинемы*, понимаемые достаточно широко. К ним относятся собственно жесты – знаковые движения рук, ног, плеч и головы, знаковые выражения лица, или мимика, знаковые взгляды, позы, телодвижения, знаки-касания и вербально-невербальные способы поведения – манеры (см. об этих семиотических типах жестов подробно в работах [Крейдлин 2004; Крейдлин и др. 2014]). К вербально-невербальным знакам и знаковым моделям поведения относятся манеры поведения человека в обществе, в частности манеры поведения за столом; это также способы ношения одежды, манеры ведения беседы, спора или диспута, манеры поведения в ритуальных, ситуациях – на свадьбах, презентациях, фуршетах, похоронах, собраниях, совещаниях и др.

Жесты устроены достаточно сложным образом, то есть имеют нетривиальную морфологию. Описание морфологии жеста предполагает анализ не только формы, но и смысла минимальных значащих частей жеста, получивших, по аналогии с морфемами, название *кинеморфемы*. Кроме того, требуется описание разных явлений на стыках кинеморфем и определение правил их соединения в жесте, или *кинеме*.

Морфологии жестов разных культур посвящено много работ. В частности, формальное устройство французских жестов анализируется в известной книге [Calbris 1990], строение итальянских жестов – в статье [Kendon 1992, pp. 72–93], в книге [Poggi, Magno-Caldognetto 1997] и [СЯРЖ 2001], а строение жестов англосаксонской и некоторых других культур – в книгах [McNeill 1992; Taylor 1974, pp. 65–72]. Между тем во всех этих работах, за исключением разрозненных или сказанных вскользь замечаний, ничего не говорится о значениях жестовых морфем, то есть о значении отдельных компонентов в составе целостной жестовой формы.

Описанию жестовых форм и их значений как одной из составляющих мультимодального дискурса в последнее время были посвящены многие отечественные и зарубежные работы. Из наиболее

значительных публикаций относительно времени назову монографию Е.А. Гришиной [Гришина 2017], обзорную статью О.В. Федоровой [Федорова 2018], а также совместную публикацию О.К. Иришхановой и А. Ченки [Иришханова, Ченки 2018].

В нашем «Словаре языка русских жестов» [СЯРЖ 2001] формальное строение жеста описывалось в отдельной части, или зоне, словаря, носящей название «*физическая реализация жеста*». Однако и в этом словаре нет описания значений отдельных кинем. Нет в нем также и правил композициональности, то есть правил, которые бы показывали, складывается ли смысл данной кинемы из смысла составляющих его кинеморфем, и если складывается, то каким образом. Соображения по поводу того, как можно использовать принцип композициональности при создании словаря жестов, были высказаны мной в работе [Крейдлин 2011]. Морфология жестов, основанная на этом принципе, раскрывается и в словаре нового типа, который будет представлен чуть позже.

Каждый язык жестов имеет также свой синтаксис. Его составляют описания комбинаторики, или, иначе, сочетания жестов и описание их упорядочивания в пределах более крупных синтаксических последовательностей. Синтаксис языка жестов складывается, однако, не только из формулировок общих закономерностей в организации невербальных и смешанных, вербально-невербальных, высказываний. В синтаксис языка жестов включены также правила двух типов. Это правила *внутреннего синтаксиса*, то есть соединения и упорядочивания жестов разных типов, и правила *внешнего синтаксиса*, то есть правила комбинирования жестов с речевыми единицами и единицами других знаковых кодов.

Особенно сложную задачу составляет описание значений жестовых лексем и более крупных жестовых сообщений. В невербальной семиотике – науке о языке тела и о различных явлениях телесности – выделяют три класса жестов по их соотношению с речью.

Первый класс образуют *эмблематические жесты*, или, кратко, *эмблемы*. Это телесные знаки, которые замещают языковые элементы в устном коммуникативном акте без изменения смысла исходного высказывания. Многие эмблемы объединяются в смысловые классы, причем у разных культур есть свои «любимые», наиболее популярные, классы эмблем. Так, у русской культуры любимым является класс жестов, имеющих общий смысл ‘прерывание контакта человека с миром’. К этому классу относятся жесты **закрывать лицо руками, закрыть глаза рукой, заткнуть уши, прикрыть рот рукой, отвернуться** и некоторые другие. Кроме того, в русском языке тела широко представлены жесты класса ‘приглашение к выпивке’. Это, например, такие единицы, как **штопор, стаканчик**,

пощелкать по горлу (в английской терминологии **cork gesture**). Для японской культуры чрезвычайно многочисленным является класс жестов-поклонов, демонстрирующих разные степени уважения к человеку или почтительного отношения к какому-то сакральному объекту. Этот класс жестов в Японии настолько социально важен, что ему специально обучают в школах и других учреждениях; например, ему обучают продавцов крупных магазинов, работников банков, актеров театра и сотрудников ряда других организаций.

Во вторую группу телесных знаков входят **иллюстративные жесты**, или **иллюстраторы**. Они всегда сопровождают речь и при этом семантически и функционально с ней связаны.

Иллюстраторы делятся на два больших подкласса – **собственно иллюстраторы** и **аккомпаниаторы**. Такое деление основано на различии в назначении и роли иллюстративных жестов в коммуникативном акте. Поскольку эти классы иллюстраторов еще не изучались и не были даже упомянуты в моей монографии по невербальной семиотике [Крейдлин 2004], я остановлюсь на них чуть более подробно – ведь многие такие жесты входят в лексикон лингво-семиотического словаря.

Собственно иллюстраторы отображают некоторые свойства предмета или человека, например форму, размер, кривизну, ориентацию и др. Они раскрывают аспекты физического действия или демонстрируют само действие, например, действие, называемое глаголом *резать* или глаголами *рубить*, *пилить*, *колоть*, *сжимать*. Они могут отображать также какие-то стороны ментальной или психической жизни человека, некоторые особенности ее протекания. Таковы, например, жесты, выражающие смыслы ‘задумчивость’ и ‘напряженное внимание’.

К собственно иллюстраторам относятся разнообразные по форме и смыслу жестовые манифестации эмоций страха, ужаса, стыда, радости, удовольствия, наслаждения и т. д. К ним принадлежат также жесты, имитирующие движение, например, движение колес паровоза или поезда. Это также жесты, обозначающие размер предмета или рост человека, ср. речевые выражения *Вот такой ширины*, *вот такой ужины*; *Она вот какого роста*, сопровождаемые соответствующими жестами, а также мимические выражения боли (см. жесты **скривиться от боли**, **сморщиться от боли**).

Аккомпаниаторы, в полном соответствии со своим названием, сопровождают речь, подчеркивая ее физические или структурные аспекты. Они отражают длительность речи, выделяют в ней некоторые важные фрагменты или обозначают отход в сторону от основной линии повествования.

Выделяются несколько групп аккомпаниаторов. Одни помогают в интонационной организации речи, объединяют отдельные фрагменты речевого потока в целостные синтагмы; или, наоборот, членят высказывание. Например, жест **плавное движение рукой** соединяет предшествующий сегмент речи с последующим.

Другая группа аккомпаниаторов способствует делению речи на смысловые фрагменты, а третья помогает выявлению отдельных семантических или прагматических аспектов высказывания. Это, например, жесты, акцентирующие слова *Ну сколько раз тебе можно говорить!*

Отдельные аккомпаниаторы из третьей группы выделяют какие-то метонимические или метафорические компоненты высказывания. Примером такого аккомпаниатора является русский мануальный жест, сопровождающий текст: *До сих пор мы говорили о французской литературе XVIII века. Теперь уйдем далеко-далеко в сторону.* Устное произведение этого текста, записанного во время лекции, сопровождалось жестом, при котором рука говорящего поднималась вверх и отводилась далеко назад и чуть вбок в полном соответствии с содержанием высказывания.

Еще две группы аккомпаниаторов образуют разные по форме жестовые ударения, ритмизирующие речь. Таково, например, рубленое движение ребра ладони сверху вниз при счете – одна из разновидностей жестового ударения. Кроме того, есть указательные, или дейктические, аккомпаниаторы. Ими нередко пользуются, например, лекторы и учителя, когда объясняют новый материал. При помощи таких жестов преподаватели совершают прямое указание на какой-то объект, изображенный на доске, или опосредованное указание, например, на некоторый представляемый объект, возникший в ходе лекторской или учительской речи, либо, наконец, метафорическое указание, близкое по смыслу к предыдущему. Примером метафорического указания служит употребление параллельного жеста двух рук, который встретился нам у лектора-литератора. Им он указывал на параллельные линии повествования в разбираемом художественном произведении.

Последний, третий, класс жестов образуют **регулятивные жесты**, или **регуляторы**. Это единицы, которые могут употребляться как в речевом контексте, так и без него. Регуляторы противопоставлены эмблемам и иллюстраторам по функции: все они структурируют общение и имеют ярко выраженную диалогическую направленность. Одни регуляторы служат показателями начала общения, другие – конца общения, а третьи показывают, что общение продолжается.

Примером регуляторов служит так называемый **«академический» кивок головы**, демонстрирующий, что адресат воспринял от говорящего сообщаемую ему информацию, пусть даже ложную. Регулятором является также жест **«Стоп!»**, при котором ладонь жестикулирующего направляется в сторону стоящего или движущегося к нему лицом адресата с целью предотвратить его возможное будущее высказывание или движение (либо остановить уже начавшееся).

Многолетние исследования устной коммуникации у самых разных народов и культур убедительно показывают, что эмблемами, иллюстраторами и регуляторами могут быть жесты всех семиотических типов жестов. Приведу примеры телесных знаков разных типов, одни из которых выступают в функции эмблем, другие – в функции иллюстраторов, а третьи – в функции регуляторов.

Утвердительный кивок головы – **Да**, – широко используемый в очень многих вопросно-ответных диалогах, является невербальным заместителем словесной реплики *Да*. Данный жест головы – эмблематический. Действительно, в ответ на вопрос *Ты пойдешь в кино?* этот кивок головы означает ‘пойду’. Мы можем, однако, при ответе на тот же вопрос не просто кивнуть головой, а кивнуть, одновременно сказав *Да*. Здесь кивок не только передает смысл ‘пойду’, но и подчеркивает, экспрессивно усиливает выражение данного смысла, означая что-то вроде ‘конечно, безусловно, пойду’.

Теперь приведу пример контекста, когда кивок головы, по форме сходный с утвердительным кивком, передает уже другой смысл, а именно желание показать говорящему, что его слушают и воспринимают информацию, которую тот сообщает. В ситуации устного экзамена, когда экзаменатор беседует один на один со студентом, желая поддержать студента и показать ему, что внимательно его слушает и поощряет продолжить ответ, он кивает головой. В этой ситуации жест **кивок головы** является регулятивным.

Остановлюсь кратко на таких телесных знаках, как представленные в строящемся словаре позы. У русских позовых знаков есть стандартное имя *поза*, которому в английском языке соответствует слово *posture*, обозначающее знаковое положение тела, а не слово *pose*, которое обозначает физиологически вынужденное антропоморфное положение тела, не являющееся знаковым.

Примером русской эмблемы служит поза, передающая смыслы ‘не хочу больше тебя слушать’ или ‘я обиделся’. Это поза **отвернуться** от собеседника и стоять некоторое время к нему спиной.

Контекстом, в котором встречается поза-иллюстратор, служит, например, поведенческий комплекс «рапорт солдата командиру о

выполненном задании», принятый русской воинской доктриной. Произносящий слова рапорта солдат стоит, вытянувшись в позе **смирно**, которую, согласно воинскому уставу, он должен всегда принимать при встрече со старшим по званию. Считается, что такая поза выражает уважение к командиру.

А вот пример позы-регулятора. Во время интервью или какой-то иной ситуации общения, в которой один собеседник (доминирующий) задает другому (субординативному) разного рода вопросы, а тот на них отвечает, сидячая поза спрашивающего означает, что коммуникация продолжается, а смена им позы означает конец интервью. Человек, который приходит на интервью, должен знать, что если интервьюер встает или даже просто показывает, что собирается встать, то диалог считается законченным, а потому пытаться продолжать говорить что-то о себе или вести беседу на какие-то другие темы бессмысленно.

Идеология и структура лингво-семиотического словаря

Теперь, после этих необходимых вводных замечаний, касающихся используемых нами концептуального и инструментального аппаратов, я перейду к основной теме статьи.

Современное представление о человеческом теле и телесности включает в себя осознание того факта, что тело представляется по-разному не только в естественных языках, но и в соответствующих им невербальных знаковых кодах. Речь далее пойдет о лексических единицах русского языка и русского языка тела, причем, как правило, в одной их функциональной разновидности, а именно бытовой. Впрочем, в целях сопоставления, перекличек и построения важных мостиков будут привлекаться также научная, фольклорная и другие функциональные разновидности русского языка и русского языка тела.

Задуманный мной **лингво-семиотический** словарь относится к совершенно новому типу лексикографических книг. Он нацелен на описание особенностей взаимодействия в устных и письменных коммуникативных актах лексики, обслуживающей разного рода явления телесности.

Среди адресатов лингво-семиотических словарей я вижу не только лингвистов, но и переводчиков, деятелей культуры, преподавателей, работников СМИ, да и вообще всех тех, кто хочет улучшить свои языковую и культурную компетенции в общении с другими людьми. Представленные в работе идеология, принципы,

методологические и концептуальные установки, а также инструментарий вполне пригодны для разных языков и культур.

Сразу же подчеркну, что, хотя в лингво-семиотическом словаре содержатся данные по меньшей мере двух языков – вербального и невербального, – его нельзя отнести к традиционным толковым одноязычным или переводным словарям. Наш словарь включает в себя лексические единицы двух кодов и описывает их взаимодействие. Поэтому он должен занять отдельную клетку в существующей классификации словарей.

Основным понятием, лежащим в центре словаря, является понятие **наивной, или повседневной, бытовой, семиотической концептуализации тела**, которая противопоставляется научной, художественной, фольклорной и другим концептуализациям.

Наивная семиотическая концептуализация тела – это модель того, как тело и другие телесные, или, иначе, соматические, объекты отражены в повседневном естественном языке и в соответствующем ему языке тела. Что крайне важно, такая модель отражает взгляды, мировосприятие и мироощущение неискушенного человека – не специалиста-ученого, а человека самого обычного.

Семиотическая концептуализация фрагмента мира, будь то объект, свойство, действие, ситуация, представляет собой естественное расширение хорошо известного в лингвистике понятия языковой концептуализации. Основной «строительный материал» для наивной семиотической концептуализации телесной сферы человека – это знаки естественного языка и языка тела, а также единицы некоторых других знаковых кодов, таких, как, например, акциональный («язык знаковых действий») и ольфакторный коды («язык запахов»). Описать то, как тело человека представлено в лексике русского языка в ее взаимодействии с лексикой языка русских жестов, фактически означает реконструировать или, как часто говорят, построить представленную в словах и жестах семиотическую концептуализацию тела.

Основным методом лексикографического анализа, принятым в лингво-семиотическом словаре, является разработанный мной совместно с некоторыми моими более молодыми коллегами и учениками **признаковый подход**. Строя лексический фрагмент семиотической концептуализации тела, мы попутно сравниваем выразительные возможности и объяснительную силу словесного и телесного знаковых кодов.

Ориентация на несколько разнородных задач делает признаковый подход теоретически более адекватным и практически более удобным способом описания, чем традиционный лексикографический подход. Ведь последний имеет дело только с одним знаковым

кодом и потому не приспособлен для сопоставления кодов. Хотя теория и методология признакового подхода нацелены, прежде всего, на изучение и описание лексического аспекта проблемы мультимодальности, его применение позволяет ответить и на многие другие исследовательские вопросы, например, как соотносятся вербальные и различные невербальные системы, связанные с телом и телесностью. Мы можем сравнивать, как представлены в вербальных и невербальных знаках различные действия, осуществляемые соматическими объектами, изучать функции, дисфункции и аномалии, связанные с частями тела, телесными органами и другими соматическими объектами, и отвечать, среди прочих, на вопросы следующих типов: Что означают высказывания *Ноги не ходят*, *Голова раскалывается* или *Язык немеет*?; Что означает, что данный телесный объект сейчас или вообще плохо функционирует?; Как мы об этом говорим или как это показываем?

Наконец, открывается возможность изучить разные механизмы и способы образования переносных значений у многозначных слов, обозначающих тело, части тела и другие телесные объекты, выявить и объяснить особенности образования фразеологизмов, построенных на базе жестов. Это так называемые **жестовые фразеологизмы** *махнуть рукой на все*, *потирать руки*, *положа руку на сердце*, *хлопнуть дверью* и др.

На вход словарной статьи лингво-семиотического словаря подается имя соматического объекта определенного типа. Это слово *тело*; имена частей тела (*голова*, *руки*, *живот*, *спина*) и имена частей таких частей (*пальцы*, *ладонь*, *ноздры*); имена телесных органов – органов пищеварения, дыхания, половых органов; имена телесных покровов (*кожа*, *волосы и ногти*), жидкостей (*кровь*, *желчь*, *слезы*); названия особых мест на человеческом теле или внутри него (*подмышки*, *пупок*, *глазница*); имена различных костей и соединений костей – *ребро*, *ключица*, *позвонок*, *позвоночник*, *сустав*, *кадык*, *скула*, *челюсть*); разнообразные линии на человеческом теле (*морщины*, *черты лица*, *линия губ*, *линии рук*, *талиа*); имена сосудов (*вены*, *артерии*) и др.

Соматическими являются и «чужеродные» объекты, в частности так называемые наросты на или в теле человека – *прыщи*, *фурункулы*, *ячмень*, *шишка*, «лишние» объекты – рудименты и еще много других.

Телесные объекты, имена которых содержатся в большинстве языковых словарей, относятся к прагматически освоенным объектам <в данном языке>, а телесные объекты, имен которых в языке нет или почти нет, – к прагматически неосвоенным.

В разговорах о прагматически неосвоенных соматических объектах люди нередко пользуются описательными выражениями, де-

скрипциями, включая недоопределенные дескрипции (такие, как в примере *У меня что-то болит в районе плеча*, или словосочетание *такая штука* как в *Смотри, какая штука вскочила у меня на лице*). Люди пользуются также разного рода неидиоматичными выражениями, такими как *тыльная сторона ладони*, *ребро ладони со стороны большого пальца* и т. д. Эти и подобные выражения играют важную роль в описании физической реализации некоторых введенных в лингво-семиотический словарь жестов.

На вход словаря подаются пока что только русские имена прагматически освоенных объектов. То, какая номинация у прагматически освоенного телесного объекта считается нормальной или стандартной, зависит от того, к какому возрастному, гендерному, профессиональному, социальному классу и др. принадлежит обладатель этого объекта. Например, и у взрослого, и у совсем маленького ребенка есть голова, но стандартные имена у каждого из этих объектов, вообще говоря, свои: голова взрослого человека обычно так и называется – *голова*, а голова маленького ребенка в норме называется также *головка*. Аналогичное отношение можно усмотреть и между словами *волосы* и *волосики*. Несколько другое отношение между словами *ноги* и *ножки*: *ноги* – это стандартное имя мужских и женских соматических объектов, а *ножки* – женских и детских.

Среди сотен русских литературных и диалектных имен соматических объектов следует выделить центр и периферию. Именно центр используется нами как основной материал для лексикографического описания наивной картины телесной сферы. В центр русских имен соматических объектов попадают прежде всего общеупотребительные имена, то есть наиболее часто встречающиеся в неспециализированных контекстах (ср., например, имена соматических объектов, входящие в атрибутивные сочетания *красивый X*, *большой X*, *больной X*, *круглый X* и в ряд других, в разговорные вопросно-ответные диалоги типа *Что это с тобой?* – *Да у меня сломан палец*).

В круг имен телесных объектов, образующих центр, включены и те имена, у которых имеется много широко употребляемых словообразовательных производных (derivатов), то есть таких слов, как *рукастый*, *безголовый*, *сглазить*, *желудочный*, *пощечина*. Кроме того, сюда включены также имена, которые входят в состав фразеологических единиц, в том числе жестовых (*столкнуться лоб в лоб*, *проглотить язык*, *на тебе лица нет*, *зуб даю*). Наконец, отмечу, что имена соматических объектов, входящие в центр, известны наиболее неискушенным носителям языка – детям, подросткам.

Прежде чем перейти к характеристике признаков телесных объектов и имен признаков, составляющих инструментальную

базу представляемого мной словаря, скажу несколько слов об отношении разных телесных объектов друг с другом.

Во-первых, некоторые из них более тесно, чем другие, связываются в пределах тела. Речь идет об антропологической общности объектов. В частности, объекты могут располагаться в теле относительно близко друг к другу (как, например, спина и плечи, грудь и живот, живот и пупок), соединяться друг с другом при помощи крупных кровеносных и лимфатических сосудов (как, например, голова и шея). Более тесно связаны и объекты, расположенные на теле или в теле симметрично относительно какой-то пространственной оси. Это, например, правое ухо и левое ухо, верхняя и нижняя губа, спина и живот.

Во-вторых, некоторые соматические объекты обладают функциональной общностью. Так, общей функцией обладают шея и плечи: эта функция – связующая. Шея соединяет голову с туловищем, а плечи – руки с корпусом. Плечи и спина тоже связаны общей функцией, а именно, эти объекты являются разделителями пространства и разделителями времени, ср. референциально тождественные пространственные и временные сочетания *рюкзак за плечами* и *рюкзак за спиной*; *у него за плечами* vs. *за спиной война*.

В-третьих, отдельные соматические объекты имеют сходное строение. Про них мы говорим, что они обладают морфологической, или структурной, общностью. Например, морфологически подобными являются пальцы рук и ног, ступни ног и кисти рук. Существуют языковые единицы, в смысловой структуре которых отражаются те или иные виды связей между соматическими объектами. Так, слово *глаза* объединяет левый и правый глаз; под именем *пальцы* могут объединяться пальцы рук и пальцы ног. Некоторые объединения имеют языковые обозначения, отличные от обозначений отдельных объектов – составляющих. И этот факт также учитывается при создании словаря. Например, мускулатура включает в себя мускулы, или мышцы, всего тела. Есть *конечности* (*руки* и *ноги*) и есть *скелет* – слово, обозначающее совокупность костей телесного остова, рассматриваемых как некая структурная и функциональная общность. Объединение соматических объектов может выражаться особыми синтаксическими конструкциями, такими как, например, русские биномы *руки-ноги*, *глаза* и *уши*, *кожа да кости*. Биномы имеют фиксированный порядок элементов и фиксированный языковой маркер их соединения.

Фундаментальное свойство объектов, образующих центр телесной системы, – это то, что они играют важную роль в жестовом и акциональном знаковых кодах, участвуя в разнообразных действиях вместе с естественным языком. Если в позах и знаковых телодви-

жениях ведущая роль отведена телу, то в жестах она принадлежит разным частям тела и частям таких частей. Так, в русских жестах из класса касаний ведущая роль закреплена за руками и некоторыми частями рук, в жестах из класса «выражение согласия или несогласия» – голове, а в молчаливых вопросах и ответах на них – глазам.

Все признаки телесных объектов делятся на четыре большие группы: **структурные, физические, функциональные** и **классификационные признаки**.

Среди структурных признаков выделяю следующие разновидности: 1) возможность вхождения данного соматического объекта в состав другого соматического объекта, 2) местоположение и ориентация данного телесного объекта относительно других объектов в пределах тела, 3) симметрия телесных объектов относительно какой-то оси и 4) пространственная смежность объектов.

Физические признаки телесных объектов – это те, которые можно количественно измерить, а их значения обладают свойством градуируемости и подлежат оценке. Форма и размер объекта, температура, цвет, текстура, степень подвижности, каритивность и др., – все это физические признаки, которые характеризуют сам телесный объект, вне связи его с какими-то другими объектами. Такие признаки являются предметом изучения многих естественных наук – физики, химии, биологии и т. д., а их значения человек, как правило, постигает опытным путем, причем не только с помощью каких-то приборов, но и с помощью органов чувств.

В восприятии физических признаков участвуют зрение (глазами постигаются, например, значения признака «цвет соматического объекта»), слух (со слуховым каналом восприятия связаны признаки «звучание телесного объекта», ср. выражение *кости трещат*, и «звучание, возникающее внутри соматического объекта», ср. *в животе урчит*), осязание (тактильно познается текстура объекта), обоняние (оно участвует в восприятии и распознавании запахов, ср. *запах изо рта*), вкус (вкусовое восприятие, ср. сочетание *соленые слезы*).

Кроме того, существуют явные случаи телесной синестезии. (Под синестезией в лингвистике обычно понимается «использование слов, связанных с каким-нибудь органом чувств, для обозначения понятий, относящихся к сфере другого чувства» [Гак 1977, с. 191]), ср. сочетание *сладкий запах*, в котором прилагательное *сладкий* обозначает вкусовые ощущения, а запах характеризует сферу обоняния). Например, прилагательное *жесткий* в своем прямом значении обозначает свойство, воспринимаемое тактильно, но, говоря *жесткое лицо*, где слово *жесткий* имеет другое значение, человек имеет в виду, что такое лицо воспринимается зрительно и

имеет резко выделяющиеся черты, что это лицо напряженное, без улыбок и других, так сказать, «смягчающих», свойств.

Функциональные признаки телесного объекта делятся на собственно функции и <его> дисфункции, т. е. разного рода нарушения нормального функционирования объекта. К основным функциям легких относится дыхание и его поддержание, а горло служит для того, чтобы проводить внутрь организма пищу и воду, а также участвовать в процессе дыхания и производства звука. Описывая дисфункцию носа, мы можем сказать *нос плохо дышит* или *нос заложен*, а в случае миалгии, то есть боли в мышцах, может плохо функционировать шея, и мы встречаем фразы типа *шея совсем не поворачивается*.

Важными делениями признаков телесных объектов, как формальных, так и функциональных, является их деление по тому, как они воспринимаются органами чувств, и деление по их роли в жестах разных классов. Так, одни органы чувств лучше реагируют на формальные свойства, а другие – на функциональные. Ухо и слух в большей степени ориентированы на функциональные свойства: мы слышим звук шагов, треск суставов, хлопанье в ладоши или хлопок по плечу, слышим звук, возникающий при потирании рук. Зрением же воспринимаются характеристики обоих типов. Так, глазами можно увидеть не только форму или размер любой видимой части тела, но и ее движение. Похожим на зрение образом ведет себя осязание. С одной стороны, оно реагирует на формальные характеристики объекта, такие как его текстура, размер или форма, а с другой стороны, тактильные ощущения возникают у человека, когда по отношению к нему применяются определенные телесные действия и жесты, например разного рода шлепки, поцелуи, похлопывания, удары.

Образец словарной статьи лингво-семиотического словаря

Теперь в заключение работы я на примере двух словарных статей покажу, какова структура словарной статьи и как представлена информация в пределах вокабулы лингво-семиотического словаря.

Сначала я обращусь к семиотическому классу костей и на примере одного элемента этого класса – «зубы» – раскрою строение и содержание словарной статьи.

На вход подается вокабула *зубы*. Затем приводится толкование этого слова применительно к человеку, а именно, *зубы* – это ‘два ряда косточек во рту, которые прикреплены одним концом к верх-

ним и нижним деснам и которые служат для схватывания, раскусывания, измельчения и пережевывания пищи’.

Здесь первая часть толкования – анатомическая, а вторая – функциональная. Если соматический объект имеет несколько важных функций, то они тоже указываются в словарной статье. У зубов есть по меньшей мере две таких функции, помимо указанных в тексте толкования. Это – **защитная** функция (человек в целом ряде жизненных ситуаций может воспользоваться зубами как орудием для нападения и защиты) и **артикуляционная** функция (зубы участвуют в образовании речевых и параречевых звуков).

В случае многозначных слов признаки, индивидуализирующие отдельные лексемы, как это принято в большинстве современных толковых словарей русского языка, указываются при соответствующей лексеме в качестве элементов их семиотической концептуализации. В случае слова *зубы* описанию подлежат структурные и физические признаки зубов, а также значения этих признаков – наряду с указанием их основных языковых и жестовых реализаций.

Я сейчас перечислю их, из экономии места никак не упорядочивая. Зубы – это телесные объекты, в норме невидимые, белого, желтого или черного, почерневшего цветов. Зубы, появляющиеся у ребенка, белого цвета, а желтый и черный цвета являются приобретенными. В ряде случаев их рассматривают как симптом, возможно, не очень опасной, но все же патологии, вследствие чего врачи (*зубные врачи, дантисты, стоматологи*) предлагают некоторым пациентам с такими зубами пройти специальную процедуру, называемую *отбеливание*.

Зуб имеет ряд составных частей. Это поверхностные части, называемые *эмаль, край* <зуба>, *режущая часть* <зуба>, и внутренние части – *нерв, канал (каналы), пульпа, корень*. Знание этих слов, а также таких «бытовых» единиц, как *дырка, дырочка* и др., человек обретает с взрослением и приобретением «печального» опыта.

Будучи косточками, зубы (не в патологии) – это твердые, ровные, не выступающие вперед и не выходящие из соответствующего ряда объекты. В лингво-семиотический словарь включены, с необходимыми пояснениями, такие слова и словосочетания, как *верхние зубы, нижние зубы, свои зубы, искусственные зубы, импланты, передние зубы, задние зубы, передняя и задняя поверхности зубов, зуб мудрости, молочные зубы, кривые, искривленные, прямые, коренные зубы* (все это виды зубов, выделенные по разным признакам). Отмечаются языковые выражения особо важных изменений формы зубов (например, *искривление*), цвета (*пожелтение*) или размера зубов, появление *налета* на эмали зуба, *зубного камня* и др.

Отдельное место в нашем словаре отводится описанию наиболее частых зубных патологий, в том числе тех, что были упомянуты мной раньше. Зубы *портятся*, *болят*, *шатаятся*, *крошатся*, *ломаются*, *выпадают*, *гноятся*. За зубами надо *ухаживать*, их надо *чистить*, *полоскать*, а иначе их можно *лишиться*, их можно *потерять*. Больные зубы стоматологи *лечат*, их *пломбируют*, каналы тоже пломбируют, а нерв у больного зуба перед пломбированием обычно удаляют.

Читателю может показаться, что предложенное здесь для лингво-семиотического словаря лексикографическое описание имен телесных объектов, в частности, такого, как зуб, основанное на признаковом подходе, аналогично описанию, которое предлагает словарь [Иорданская, Паперно 1996]. Однако наши лексикографические и информационные ресурсы значительно шире. Во-первых, в лингво-семиотическом словаре имеется большая по объему **жестовая зона**, содержащая информацию о невербальных знаках, в которых зубы участвуют как активные или как пассивные объекты [СЯРЖ 2001; Крейдлин 2004]. Во-вторых, в нашем словаре предполагается введение зоны этнокультурного комментария, подобной той, которая имеется в различных словарях Люблинской школы этнолингвистики (Польша) Е. Бартминьского (см. об этой школе и ее словарях в статье [Бартминьский 2018]).

Приведу примеры русских жестов, осуществляемых зубами или над зубами, и краткую информацию о них.

Жест **зуб даю** является жестом клятвы (о нем подробно говорится в книге [Крейдлин 2004]). Жест **оскалиться**, или **показать зубы**, – это агрессивный жест, демонстрирующий недовольство кем-либо или чем-либо. В лингво-семиотическом словаре, конечно, будет дано его описание в формате, принятом в [СЯРЖ 2001].

Жест **зуб на зуб не попадает** в своем основном значении является симптоматическим жестом (о симптоматических жестах см. [Крейдлин 2004]), свидетельствующим о том, что человеку холодно или страшно. Описываются также жесты **скрежетать зубами**, **стиснуть зубы**, **вырывать зубами** ‘с большими усилиями в борьбе взять, достать или получить что-либо’. Кроме того, отмечается, что на основе нежестового, т. е. чисто физиологического, движения *дать в зубы*, образуется жест со значением ‘дать кулаком в лицо, например, в наказание за что-то’.

Дериват слова *зуб*, такой как *зубоскалить* (не путать с жестом **скалить зубы!**), может обозначать вербальный или смешанный, вербально-невербальный, акт насмешки.

Агрессивные жесты с зубами, такие как **сжать зубы** (от злости), **стиснуть зубы** (от каких-то испытываемых сильных эмоций по от-

ношению к другому человеку, например от ненависти), **разговаривать сквозь зубы** и т. п., обычно сопровождают в тексте слова, семантически согласованные с данным жестом, ср. *Он стиснул зубы, и так, сквозь зубы, что-то запел с остервенением, какой-то марш* (А. Житинский. Лестница).

Жест **стиснуть зубы от боли** связан с этикетом, согласно которому мужчины должны скрывать языковые или параязыковые проявления боли, ср. *Он стиснул зубы от боли и на миг прикрыл тяжелые веки* (Вл. Маканин. Голоса).

Обильно в лингво-семиотическом словаре представлена и фразеология со словами *зубы*, *зуб* и *зубок*, производные от некоторых из этих слов и фразеологизмы с такими производными. Ср. сочетания *заговаривать зубы*, которое означает 'посторонними разговорами отвлечь внимание адресата от чего-либо важного и этим вводить адресата в заблуждение', *смотреть в зубы* (с вариантом *глядеть в зубы*), *пробовать на зуб*, *иметь зуб на* или *против кого-либо*, *на один зуб*, *ни в зуб <ногой>*, *око за око*, *зуб за зуб*, *цедить сквозь зубы*, *попасться на зуб*, *в зубах навязло*, *выучить на зубок*, *точить зубы на кого-либо*, *оттачивать зубы*, *на одних зубах* 'на пределе', *не по зубам*, *класть зубы на полку*.

Сообщается культурно значимая информация и про фразеологический оборот *зубовный скрежет*. Например, говорится, что этот оборот может использоваться как иносказательное выражение страха, сильной злобы или негодования, ср. пример *К чему вся эта комедия устремлений, порывов, зубовных скрежетов и слез? Ужели затем только, чтобы при посредстве горячих излияний зажечь пламень в сердцах этих дам?* (М. Салтыков-Щедрин. В среде умеренности и аккуратности, гл. 8, с. 12). Отмечено и другое значение того же выражения, когда оно обозначает страдание, терзание, муку, как в примере *Вот уж тема, скучная до зубовного скрежета* (П. Илюхин. Давай поговорим [газета «Семейный доктор», 2002]).

В этнокультурной зоне сообщается, что зубы являются древнейшим орудием нападения и защиты, телесным воплощением активного начала. Поэтому потерю зубов связывали со страхом перед серьезными телесными недугами или с полной неудачей в жизни. Антропологи утверждают, что первобытные люди украшали себя зубами и костями побежденных ими людей или животных. Выпадение или поломка зуба ассоциировалась с потерей силы. О маленьком ребенке говорят, что у него *лезут зубы*, *прорезаются зубы*. Описывается своеобразный ритуал, характерный для русской культуры телесности и связанный с появлением у малышей первых зубов, когда родители «покупают» их у ребенка или обменивают у него на что-то «очень ценное». Отмечаются в словаре лингвистиче-

ские свойства не только слова *зуб*, но и сочетаний с ним, например такое явление, как энантиосемия, в частности в пределах семантической структуры глагола *лезть*, а именно, когда *лезут зубы*, это означает их рождение, появление на свет, а когда *лезут волосы*, это означает их потерю.

О выражении *плач и скрежет зубов* говорится, что оно содержится в Новом Завете (Евангелие от Матфея, гл. 22, ст. 13; русский перевод с церковнославянского): *Тогда сказал царь слугам: связав ему руки и ноги, возьмите его и бросьте во тьму внешнюю: там будет плач и скрежет зубов*. Отмечено и такое библейское выражение, как *вой и скрежет зубовой*.

О сочетании *скрежетать зубами во сне* сообщается, что оно может быть знаковым проявлением состояния, при котором у человека систематически непроизвольно сокращаются жевательные мышцы, и что этот патологический случай считается болезнью, которая получила в медицине название *бруксизм*. Еще одним характерным признаком бруксизма является сильное сжатие челюстей, которое тоже происходит помимо воли человека, как правило, во время сна. Во многих случаях бруксизм провоцирует стирание, деформацию зубной ткани и ее разрушение, а также *гиперестезию*, или повышенную чувствительность зубов. Бруксизм часто является причиной головной боли и общего плохого самочувствия, а потому таким людям близкие советуют обратиться к врачу.

Отдельно в нашем словаре отмечаются стандартные действия с зубами (те, что известный французский социолог и этолог М. Мосс относил к обычным техникам тела), входящие в мероприятия по *гигиене полости рта*, в частности указываются инструменты и средства, применяемые при уходе за зубами. См. такие единицы, как *чистить зубы* (вспомню известную шутку пожилых людей *Раньше зубы чистили, теперь под крапом моем*), *полоскать зубы*, *зубной порошок*, *зубная паста*, *зубная нить*, *зубочистка* и др.

А вот очень краткий фрагмент словарной статьи слова *ногти*.

Ноготь – это ‘небольшая относительно твердая и тонкая пластинка на конце пальца руки или ноги’.

Суп._{науч.} *ногтевая пластина*.

Части ногтя: *корень*, *лунка*, *кончик*, *край*

Форма: *овальная* (края ногтя в норме совпадают с краем пальца или чуть выступают за границы пальца)

Размер: *длинные* / *короткие*, *узкие* / *широкие ногти*

Изменение размера: *отращивать ногти*, *стричь ногти*

Цвет (естественный): *розовый*, *красный* (за ногтем находятся кровеносные сосуды)

Текстура: *ноготь гладкий*, *но ломкий (ноготь может ломаться)*

Функции ногтя: защитная (защитать палец от повреждений (= защищать мягкие ткани и кровеносные сосуды в верхней части пальца), служить орудием агрессивных действий – *царапать, скрести, ковырять* и т. д. – и эстетическая: ногти *стригут, подравнивают* (по форме округлого пальца), *чистят, красят, подкрашивают, покрывают лаком, делают маникюр и педикюр*.

Есть науки, или области знания, прямо соотносящиеся с ногтями. Это *онихология* – наука, изучающая строение ногтей; *онихомикоз* – грибок ногтей и область медицины, основным предмет которой такого рода патология; *онихокриптоз* – вросший ноготь и связанные с ним проблемы.

Кроме того, патологией считается появление белых пятен на ногтях: они говорят о недостатке железа в организме человека, нарушении обмена веществ или болезни щитовидной железы. Хрупкие или ломкие ногти тоже являются симптомом нарушения обмена веществ. По исчезновению лунок диагностируют болезнь печени или почек. В медицине есть термин *ногти Гиппократа*. Это чрезмерно выпуклые ногти, которые опытные врачи связывают с заболеваниями сердца, легких или кишечника.

Фразеологические обороты: *до кончиков ногтей* (до конца ногтей) ‘во всех отношениях, полностью’, *кусать ногти* ‘нервничать, волноваться’, *быть под ногтем у кого-то, на кончике ногтя, мужичок-с-ноготок*.

Жесты: **кусать ногти, грызть ногти, прижать к ногтю** (жест угрозы). Некоторые люди **кусают ногти** для снятия нервного напряжения.

* * *

Описание особенностей устной и письменной мультимодальной коммуникации неизбежно влечет за собой создание особых лингво-семиотических словарей. Такие словари призваны в максимальном объеме сообщать людям информацию о лексических и фразеологических единицах естественных языков и соответствующих им языков тела. И отдельно, и комбинируясь по определенным семантическим и синтаксическим правилам, они позволяют вскрыть те лексические характеристики мультимодальной коммуникации, которые не могут отразить по отдельности языковые словари и словари жестов.

Литература

- Baverlas 1990 – *Baverlas J.B.* Nonverbal and social aspects of discourse in face-to-face communication Text. Vol. 10. No. 1–2. 1990. P. 5–8.
- Calbris 1990 – *Calbris J.* The semiotics of French gestures. Bloomington: Indiana Univ. Press, 1990. 236 p.
- Kendon 1992 – *Kendon A.* Some recent works from Italy on quotable gestures (“emblems”) // Journal of Linguistic anthropology. 1992. Vol. 2. No. 1. P. 72–93.
- McNeill 1992 – *McNeill D.* Hand and mind: What gestures reveal about thought. Chicago: Chicago Univ. Press, 1992. 423 p.
- Poggi, Magno-Caldognetto 1997 – *Poggi I., Magno-Caldognetto E.* Mani che parlano. Gesti e psicologia della comunicazione. Padova: Unipress, 1997.
- Taylor 1974 – *Taylor H.M.* Japanese kinesics // Journal of the Association of teachers of Japanese. 1974. Vol. 9. No. 1. P. 65–72.
- Бартми́нский 2018 – *Bartminski J.* In the circle of inspiration of Anna Wierzbicka: the cognitive definition – 30 years later [В кругу вдохновения Анны Вежбицкой: когнитивное определение 30 лет спустя] // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия Лингвистика: 2018. Т. 22. № 4: Культурная семантика и прагматика: к юбилею Анны Вежбицкой. P. 749–769.
- Гак 1977 – *Гак В.Г.* Сопоставительная лексикология. М.: Международные отношения, 1977. 264 с.
- Гришина 2017 – *Гришина Е.А.* Русская жестикуляция с лингвистической точки зрения. Корпусные исследования. М.: Языки славянской культуры, 2017. 743 с.
- Иорданская, Паперно 1996 – *Iordanskaya L., Paperno S.* A Russian – English collocational dictionary of the human body. Slavica Publishers, Inc. 1996.
- Ирисханова, Ченки 2018 – *Iriskhanova O.K., Cienki A.* The semiotics of gestures in cognitive linguistics: contribution and challenges // Issues of cognitive linguistics. 2018. № 4 (57). С. 25–36.
- Крейдлин 2004 – *Крейдлин Г.Е.* Невербальная семиотика: Язык тела и естественный язык. М.: Новое литературное обозрение, 2004. 581 с.
- Крейдлин 2011 – *Крейдлин Г.Е.* Некоторые механизмы и способы взаимодействия вербальных и невербальных знаковых кодов в устной коммуникации людей // The 6th Meeting of the Slavic Linguistics Society (SLS). Aix-en-Provence. 2011. September 1–3. С. 184–192.
- Крейдлин 2014 – *Крейдлин Г.Е.* Семиотическая концептуализация тела и проблема мультимодальности // Экология языка и коммуникативная практика. 2014. № 2. С. 100–120.
- Крейдлин и др. 2014 – Язык и семиотика тела: В 2 т. / Г.Е. Крейдлин (отв. рук.), П.М. Аркадьев, А.Б. Летучий, С.И. Переверзева, Л.А. Хесед. М.: Новое литературное обозрение, 2014.
- СЯРЖ 2001 – *Григорьева С.А., Григорьев Н.В., Крейдлин Г.Е.* Словарь языка русских жестов. М.; Вена: Языки русской культуры; Венский славистический альманах. 2001. 256 с.
- Федорова 2018 – *Федорова О.В.* О русской жестикуляции с лингвистической точки зрения: к выходу монографии Е.А. Гришиной // Вопросы языкознания. 2018. № 5. С. 114–123.

References

- Baverlas, J.B. (1990), "Nonverbal and social aspects of discourse in face-to-face communication", *Text*, vol. 10, no. 1–2, pp. 5–8.
- Calbris, J. (1990), *The semiotics of French gestures*, Indiana Univ. Press, Bloomington, USA.
- Gak, V.G. (1977), *Sopostavitel'naya leksikologiya* [Comparative lexicology], Mezhdunarodnye otnosheniya, Moscow, Russia.
- Kendon, A. (1992), "Some recent works from Italy on quotable gestures ('emblems')", *Journal of Linguistic anthropology*, vol. 2, no. 1, pp. 72–93.
- McNeill, D. (1992), *Hand and mind: What gestures reveal about thought*, Chicago Univ. Press, Chicago, USA.
- Poggi, I., Magno-Caldognetto E. (1997), *Mani che parlano. Gesti e psicologia della comunicazione*, Unipress, Padova, Italy.
- Taylor, H.M. (1974), "Japanese kinesics", *Journal of the Association of teachers of Japanese*, vol. 9, no. 1, pp. 65–72.
- Bartmiński J. (2018), "In the circle of Anna Wierzbicka's inspiration: cognitive definition 30 years later", *Vestnik Rossiiskogo Universiteta Druzhby Narodov*, vol. 22, no. 4: Cultural semantics and pragmatics: for the anniversary of Anna Wierzbicka, pp. 749–769.
- Grishina, E.A. (2017), *Russkaja zhestikul'atsia s lingvističeskoj točki zrenija. Korpysnyje issledovanija* [Russian gestures from a linguistic point of view. Corpus research], Jazyki slavyanskoj kul'tury, Moscow, Russia.
- Iordanskaya, L. and Paperno S. (1996), *A Russian – English collocational dictionary of the human body*, Indiana University Bloomington: Slavica, USA.
- Irishkanova, O.K. and Cienki A. (2018), "The semiotics of gestures in cognitive linguistics: contribution and challenges", *Issues of cognitive linguistics*, vol. 57, no. 4, pp. 25–36.
- Kreidlin, G.E. (2004), *Neverbal'naja semiotika. Jazyk tela i estestvennyj jazyk* [Non-verbal semiotics. Body language and natural language], Novoe Literaturnoe Obozrenie, Moscow, Russia.
- Kreidlin, G.E. (2011), "Some mechanisms and ways of interaction of verbal and non-verbal sign codes in oral communication of people", in *The 6th Meeting of the Slavic Linguistics Society (SLS)*, Univ. de Provence, Aix-en-Provence, France, September 1–3, pp. 184–192.
- Kreidlin, G.E. (ed.), Arkadiev, P.M., Letuchii, A.B., Pereverzeva, S.I. and Khesed, L.A. (2014), *Telo i telesnost' v estestvennom jazyke i jazyke zhestov* [Body and corporeality in natural language and sign language], 2 vol, Novoe Literaturnoe Obozrenie, Moscow, Russia.
- Grigoryeva, S.A., Grigoryev, N.V., and Kreidlin, G.E. (2001), *Slovar' jazyka russkikh zhestov* [Dictionary of Russian Sign Language], Jazyki russkoj kul'tury; Venskij slavisticheskij almanach, Moscow-Vienna.
- Kreidlin, G.E. (ed.), Arkadiev, P.M., Letuchij, A.B., Pereverzeva, S.I. and Khesed, L.A. (2014), *Telo i telesnost' v estestvennom jazyke i jazyke zhestov* [Body and corporeality in natural language and sign language], 2 vol., Novoe Literaturnoe Obozrenie, Moscow, Russia.

- Grigoryeva, S.A., Grigoryev, N.V., and Kreidlin, G.E. (2001), *Slovar' jazyka russkih zhestov* [Dictionary of Russian Sign Language], Jazyki russkoj kul'tury; Venskii slavisticheskii almanach, Moscow, Russia, Vienna, Austria.
- Fyodorova, O.V. (2018), "On Russian gestures from a linguistic point of view: to the publication of the monograph by E.A. Grishina", *Voprosy yazykoznaniiya*, no. 5, pp. 114–123.

Информация об авторе

Григорий Е. Крейдлин, доктор филологических наук, профессор, Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия; 125047, Россия, Москва, Миусская пл., д. 6; gekr@iitp.ru

Information about the author

Grigory E. Kreidlin, Dr. of Sci. (Philology), professor, Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia; bld. 6, Miusskaya Sq., Moscow, Russia, 125047; gekr@iitp.ru